

«А в остальном, прекрасная маркиза...»

Травня - 2001. - 6 шмбд. - с. 4

Кто не знает, что жизнь — театр и люди в нем актеры. Но какие актеры и какая жизнь...

ГЛЯДЯ на эту почти призрачную фотографию из фильма «Красное и черное», кто из читателей может предположить, например, что за спиной прекрасной маркизы Матильды де Ла-Моль стоял Сергей Герасимов и тихо говорил Жюльену Сорелю со своей побудительной улыбкой: «Понахальнее надо быть, молодой человек, понахальнее...»

Он действительно говорил ему эти вешние слова, но не в середине 70-х, когда снимал «Красное и черное», а в середине 60-х, когда еще совсем зеленый Коля Еременко приехал из Минска поступать во ВГИК и стоял парализованный, как статуя, перед классиком советского кино.

Герасимов получал удовольствие от воспитания учеников, он был настоящим учителем — учителем жизни.

— Я люблю Николая Заболоцкого, — подсказал он ему, — особенно «Грозу» и «Некрасивую девочку».

И Коля прочитал ему на прослушивании его любимую «Грозу»... И он полюбил его, как сына, и принял. И вовсе не потому, что папа Николай Еременко играл в его фильме «Люди и звери», а за необъяснимую, загадочную улыбку, совсем не такую, как у Петра Мартыновича Алейникова, тоже его ученика, озаренного нездешним талантом, переставшего улыбаться солнышку в 1965 году.

Еременко улыбался не с Земли, а с Неба... Что-то демоническое было в его улыбке, но не беспощадное, а зовущее улечься вдаль. В ту пору вышла маленькая книжечка Шукшина «Там, вдали...»

60-е были порой надежд, и они стали осуществляться в жизни Коли Еременко с легкой руки Герасимова на его глазах, как в сказке.

Они все много и тяжело работали. У Стендаля в 27-й главе первой части «Красного и черного» есть такие строчки: «Современники мои, которым кой от чего приходится страдать, не могут вспомнить о некоторых вещах без ужаса, и это отравляет для них всякое удовольствие, даже удовольствие читать сказку».

«Красное и черное» — курсовая, потом дипломная, потом предэкранная — ручная работа, сошедшая с подмостков ВГИКа. Они складывали ее, как пещку, семь лет. Репетировали день и ночь. Герасимов возил Еременко обедать к себе

домой, давал поспать — и обратно на репетицию... У Коли шла носом кровь, которой он залил однажды прямо на сцене платье госпожи де Реналь. А когда снимали кино, ему настала пора служить в армии, и он вечером, скажем, играл Сореля, а утром ехал в Алабино, в Конный полк «Мосфильма»...

Я только начал разогреваться, а уж пора заканчивать это затянувшееся прощальное слово о большом артисте и благородном человеке, очень честном, чистом, очень любившем Родину, сильную и простодушную, бескрайнюю и безграничную, где мы все дышим одним воздухом.

Еременко в Сореле был точным попаданием Герасимова в Стендаля. «Юноша бледный со взором горящим...», от лица которого веяло

моуверенности, какое больше казалось, чем гнездилось в его душе.

Как у Стендаля, его любили сразу две женщины, он оставил на этом свете взрослую дочь и оборванную жизнь.

Смерть его была внезапной и легкой. Как и Сорель, он потерял сознание... Хотя один из его друзей на днях признался, что за неделю до смерти он вдруг сдвинул очки на нос и произнес ему в лицо холодящие душу слова: «Я ухожу...»

На прощании «с одним из лучших романтических актеров XX века», как чернело аршинными буквами из траурной рамки некролога в Доме кино, было пролито много слез по его личной и быстротечной судьбе, но лучший вердикт его жизни был вынесен волной сострадания простой русской женщины, которая, невзирая на лица высокого кинематографического начальства во главе с Михалковым,

силой стихий — холодом и жаром пламенеющих идей. Кто помнит у Стендаля на экзамене в семинарии от одного взгляда ректора Сорель потерял сознание и грохнулся на пол.

— А часто вы так падаете? — зацепил его вопросом аббат Пирар и посоветовал юноше ревностно оберегать столь пылкое сознание от чрезмерной чувствительности к суетной приятности внешнего.

Рожденный 14 февраля 1949 года, Николай Еременко самим предвидением назначен был к большой активной миссии на благо других людей и осуществил бы ее в меру кипевших в нем сил... если б смог побороть присущую ему сверхчувствительность и развить то чувство са-

сказала, что «звания и отличия даете не вы, а народ... что почитает своих кумиров как за богов... Иду я по улице, узнаю о его смерти... и что-то вдруг оторвалось у меня внутри!.. Умер Бабочкин — умер Чапаев, умер Симонов — умер Петр, умер Еременко...»

Боюсь огорчить эту осененную святостью женщину неуслышанным именем вселившегося в нее героя, но ход ее мысли вызывал безусловное уважение к памяти покойного, со дня смерти которого минуло на часах новорожденного XXI века сорок дней.

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК.
Фото из архива журнала
«Искусство кино».